

Объясняя парадоксы российского авторитаризма

Профессор Тимоти Колтон — один из наиболее известных и авторитетных американских исследователей российской политики — в своей новой статье обозначил в качестве “парадоксов путинизма” расхождение траекторий политического и экономического развития России в конце XX и начале XXI веков². Многочисленные сравнительные исследования подтверждают тезис о том, что экономический рост и развитие позитивно коррелируют со становлением и укреплением демократии (хотя специалисты и расходятся во мнениях о том, что служит причиной, а что — следствием данных процессов)³. В России, однако, наблюдались иные тенденции. В то время как освобождение страны от коммунистического режима сопровождалось глубоким и длительным экономическим спадом в 1990-е годы, последующий рост российской экономики и повышение уровня жизни россиян начиная с 2000 года сопровождались столь же уверенным “бегством от свободы” и становлением нового постсоветского авторитаризма. Справедливо отмечая отличия этой модели авторитаризма от советского режима и от других “классических” диктатур, Колтон подчеркивает, что, вопреки общей логике процессов демократизации (“больше развития — больше демократии”), случай постсоветской России демонстрирует противоположную политическую динамику: “больше развития — меньше демократии”. С оценкой Колтона трудно не согласиться, но как объяснить отмеченные им “парадоксы”?

Констатируя, что сегодняшняя Россия (как и ряд других постсоветских стран) стала примером перехода от одного авторитарного режима к другому, следует задаться вопросом о причинах этой динамики. Стала ли она следствием структурных факторов (не зависящих от действий тех или иных акторов) или же результатом взаимодействия различных политических игроков? И почему экономический рост и развитие в России стали краеугольным камнем не демократизации, а становления авторитаризма? В начале 1990-х годов, в ходе поразившего СССР экономического кризиса, активисты демократического движения в своей агитации против господства КПСС порой прибегали к утверждению о том, что без демократии в стране не будет колбасы: на фоне пустых прилавков и нарастающего дефицита этот аргумент выглядел более чем убедительным. Но спустя четверть века оказалось, что изобилие колбасы (как и других потребительских благ) в стране вполне возможно и безо всякой демократии, и экономические аргументы в ее пользу выглядят сегодня в глазах россиян не столь убедительными. Но значит ли это, что демократия в России стала жертвой успехов рыночной экономики, или же причины неудач демократизации лежат в иной плоскости, а экономический рост и развитие не связаны — по крайней мере, напрямую — со строительством авторитаризма в России и не только?

Следует оговориться, что структурная теория демократизации, увязывающая ее прежде всего с экономическим ростом и развитием

как ключевыми предпосылками (requisites) демократии, оперирует данными на длительном временном горизонте — речь часто идет о долгих десятилетиях. В этой связи, например, Дэниел Трейсман со ссылкой на опыт позднефранкистской Испании утверждает, что устойчивый экономический рост может создать предпосылки для будущей демократизации, которая происходит лишь по мере смены поколений политических лидеров⁴. Вместе с тем Адам Пшеворский и его соавторы продемонстрировали, что достижение высокого уровня социально-экономического развития повышает устойчивость как демократических, так и авторитарных режимов⁵. Иначе говоря, экономически успешные автократии на протяжении какого-то периода времени могут стать неуязвимыми для процессов демократизации, даже если и когда темпы их экономического роста снижаются (как произошло в последние годы в России).

Проблема с этими объяснениями применительно к России, да и к ряду других стран, состоит в том, что для их проверки пока недостаточно данных: смена поколений политических лидеров, скорее всего, произойдет не завтра, и ожидания грядущей демократизации “после Путина” могут вызывать в памяти некрасовское “жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе”. Да, опыт сегодняшней России, которая в результате экономического роста 2000-х годов вошла в число развитых экономик с уровнем душевого ВВП куда выше среднего (как и опыт ряда других стран, таких как Китай или Малайзия), противоречит логике “больше развития — больше демократии”. Но возможно, эти противоречия говорят не о недостатках структурной теории демократизации как таковой, а о том, что на динамику российского политического режима повлияли иные причины?

Поиск этих причин в рамках структурной теории на протяжении последних десятилетий привел к существенному расширению списка “подозреваемых” в неудачах демократизации. Помимо уровня душевого ВВП, различные авторы отмечают антидемократические эффекты высокого социально-экономического неравенства⁶, зависимости тех или иных стран

от экспорта нефти (“ресурсное проклятие”)⁷, низкого уровня взаимосвязей этих стран (linkages) с Европейским Союзом и США⁸, слабой распространенности в обществе ценностей самовыражения по сравнению с ценностями выживания⁹ и ряд других аспектов. По каждому из этих параметров в отдельности и по их совокупности постсоветская Россия отнюдь не демонстрирует условий и предпосылок, которые могут благоприятствовать демократизации. Но было бы неверно делать выводы о том, что причинами провала демократизации в России стали рост неравенства, волатильность цен на нефть, относительная изоляция страны от Запада и/или неготовность к демократии со стороны самих россиян. По меньшей мере, Россия во всех этих номинациях выглядит не хуже многих стран, где за последние четверть века отмечалась успешная демократизация — порой в отсутствие всяческих предпосылок, как, например, в Монголии или Бенине. Поэтому гораздо продуктивнее выглядят иные объяснения, связывающие становление постсоветского авторитаризма в России с действиями политических акторов.

“Повелитель мух” vs. “плюрализм по умолчанию”

Пожалуй, наиболее убедительная книга, ярко описывающая динамику политического режима в постсоветской России, была впервые опубликована в далеком 1954 году. Ее автором выступил не политолог, а литератор, позднее удостоенный Нобелевской премии. “Повелитель мух” Уильяма Голдинга демонстрирует, как политический режим в рамках сообщества подростков, в результате катастрофы оказавшихся на необитаемом острове, последовательно переживает следующие этапы: (1) попытка введения электоральной демократии; (2) неформальное разделение власти между наиболее влиятельными игроками (олигархия); (3) узурпация власти наиболее наглым из подростков, который добивается исключения из сообщества своих противников и устанавливает (4) репрессивную тиранию, которая ведет к новой

катастрофе. В романе конец этой динамике положил вмешательство внешних акторов (морских офицеров), в то время как в реальности цепь катастроф может длиться гораздо дольше. Но важно подчеркнуть, что герои Голдинга отнюдь не были изначально обречены на тиранию в силу тех или иных неблагоприятных предпосылок: они — не более чем обычные подростки, предоставленные сами себе. “Повелитель мух” показывает, что авторитаризм — это естественный результат максимизации власти успешными и коварными политиками, которые сталкиваются с недостаточно сильными ограничениями своих устремлений со стороны других политиков, общества и/или внешних сил. Именно такое развитие событий и оказалось характерно для постсоветской России и ряда других стран.

В самом деле, демократизация является не только и не столько следствием предпосылок, но и результатом воздействия причинно-следственных механизмов — будь то конфликты элит, неустрашимые по принципу “игры с нулевой суммой”, давление на политический класс со стороны массовых общественных движений или внешнее воздействие со стороны демократий¹⁰. В постсоветской России, однако, не сработал ни один из этих механизмов. Все конфликты элит разрешались как “игры с нулевой суммой”: роспуск СССР в 1991 году, ликвидация Съезда народных депутатов России в 1993 году, выборы “голосуй-а-то-проиграешь” в 1996 году и, наконец, “война за ельцинское наследство” в 1999–2000 годах. Массовое политическое участие, мобилизованное в эпоху перестройки, после распада СССР сошло на нет, ограничиваясь отдельными всплесками (включая волну протестов 2011–2012 годов), не меняющими общую расстановку сил¹¹. Внешнее воздействие на Россию — нравится это кому-то или нет — было и остается незначительным на протяжении всего постсоветского периода. Неудивительно, что в этих условиях правящие группы были предоставлены сами себе, подобно подросткам у Голдинга, и политический режим демонстрировал динамику, сходную с сюжетом “Повелителя мух”. Неудача электоральной демократии и возвышение “олигархов” в России 1990-х годов сменились

узурпацией власти и исключением оппонентов в 2000-е; затем последовало становление персоналистского режима, который в 2010-е все в большей мере опирается на “точечные” репрессии как инструмент сохранения господства¹². На каждой развилке постсоветской истории России, когда вставал выбор между демократизацией (предполагающей возможность смены власти) и сохранением власти в одних и тех же руках, решение в пользу отказа от демократии принималось в собственных интересах правящих групп, действия которых (по крайней мере, до сих пор) ни разу не встречали серьезного сопротивления.

Альтернативу российскому варианту строительства авторитаризма после СССР представляет вариант, обозначенный Лукашом Вэем как “плюрализм по умолчанию”¹³. Если фрагментация элит настолько сильна, что шансы на монополизацию власти невелики, то возникают условия, облегчающие политическую мобилизацию масс, с одной стороны, и усиливающие эффекты взаимодействия со странами Запада — с другой. Именно такая политическая динамика была характерна для Украины и Молдовы. Пройдя через серию конфликтов и катаклизмов, эти страны в 2010-е годы все же стали электоральными демократиями — прежде всего постольку, поскольку претенденты на роль “повелителя мух” оказывались слабыми и были не способны удержать свою монополию на власть, а попытки использовать репрессии (как поступил Янукович в 2014 году) приводили к утрате господства. По крайней мере, становление персоналистских автократий, подобных России или Казахстану, в этих странах сегодня выглядит довольно маловероятным. Парадоксальным образом “плюрализм по умолчанию” в этих странах отнюдь не сопровождается успехами в плане экономического роста и развития, да и качество государственного управления в той же Украине по ряду показателей еще хуже, нежели в России. Это сопоставление лишний раз дает поводы усомниться в том, что экономические предпосылки являются необходимым и достаточным условием демократизации, как может показаться на первый взгляд последователям структурной теории.

Различия двух моделей политической динамики в постсоветский период — “повелителя мух” и “плюрализма по умолчанию”, вызванные разной конфигурацией политических акторов и соотношением их сил, помноженными на ряд других факторов (в частности, роль идентичности и национализма), как будто бы говорят о том, что экономическое развитие не стало определяющей причиной этих различий — авторитаризм укоренился в относительно развитой Беларуси, а не в относительно бедной Молдове. Значение экономической динамики для российских изменений режима проявилось скорее в ином ключе. В цитируемой выше формуле о демократии и колбасе политические свободы рассматривались не как цель изменений в стране, а всего лишь как средство достижения экономического благополучия, причем средство далеко не единственное. Такое место демократии в восприятии поколения “семидесятников”, ставшего мотором перемен в России в 1990-е годы, обусловило дихотомию: “демократия или рыночная экономика” с явным предпочтением в пользу рынка¹⁴. И поскольку демократия в глазах многих россиян в этот период ассоциировалась со снижением жизненного уровня, упадком правопорядка, этнополитическими конфликтами и т.д., то ее идеи (а вслед за этим — и институты) были дискредитированы и в конце концов отброшены за ненадобностью. В отличие от Восточной Европы, где после 1989 года демократия и рынок не противопоставлялись друг другу, а скорее работали на взаимную поддержку¹⁵, в России 1990-х годов затянувшийся тяжелый экономический спад способствовал тому, что демократия была принесена в жертву еще до того, как на смену ему пришел экономический бум 2000-х, который, в свою очередь, протекал на фоне укрепления авторитаризма. Зависимость между развитием и демократией в России, таким образом, оказалась перевернутой: “меньше развития” в 1990-е годы повлекло за собой “меньше демократии” начиная с 2000-х. Но разворот политической динамики так и не случился: “больше развития” лишь укрепляло жизнеспособность модели “повелителя мух”.

Повестка на завтра

Обсуждение парадоксов российского авторитаризма и роли экономического развития в процессе его становления и консолидации важно не только для понимания пределов структурной теории демократизации. Осмысление этих парадоксов важно также и для понимания перспектив экономической и политической динамики России в обозримом будущем. После 2014 года экономический рост и развитие выпали из списка приоритетов российского руководства, хотя на протяжении предшествующих пятнадцати лет именно они занимали в нем ключевые позиции. В какой мере эта смена приоритетов, которая по времени совпала как с исчерпанием ресурсов для устойчивого экономического роста в России, так и с падением цен на нефть, может повлиять на изменения политического режима в нашей стране?

Тот факт, что экономический рост порождает повышение спроса на демократизацию, прежде всего со стороны городского среднего класса (примером чего в России могут служить протесты 2011–2012 годов)¹⁶, задает для авторитарных режимов, живущих в постоянном страхе перед угрозой свержения, негативные стимулы в плане экономического развития. Проще говоря, страх перед “больше демократии” толкает их на путь “меньше развития”. Брюс Буэно де Мескита и Алистер Смит в своей знаменитой “Методичке для диктаторов” даже утверждают, что преднамеренно неэффективная экономическая политика служит инструментом сохранения у власти лидеров авторитарных режимов, умело манипулирующих механизмами контроля над элитами и массами¹⁷. Однако российские власти, похоже, едва ли готовы пойти по этому пути: по крайней мере, их прежние шаги в финансовой, налогово-бюджетной и банковской сфере (в рамках заданных режимом политических ограничений) носили вполне рациональный характер. Но несмотря на все старания технократов на службе Кремля, они не в состоянии ни вернуть темпы экономического роста к показателям 2000-х годов, ни обеспечить успех новых экономических преобразований, особенно тех, которые

ущемляют интересы влиятельных соискателей ренты. Не случайно прогнозы большинства аналитиков говорят о том, что экономическое развитие России обещает быть вялым в ближайшие годы, если не десятилетия.

Как вялый рост (а то и экономическая стагнация) может отразиться на политическом развитии страны? Отчасти ответ на этот вопрос может дать советский опыт 1970-х — первой половины 1980-х годов, когда замедление темпов экономического роста сопровождалось внутривластным застоем, который, в свою очередь, был вызван стремлением удержать статус-кво любой ценой, опираясь на механизмы “закручивания гаек” и “точечных” (а не массовых) репрессий. В течение того периода, когда у власти находилось брежневское поколение, цель со-

хранения статус-кво была достигнута вполне успешно¹⁸, и весьма вероятно, что для тех, кто сегодня правит Россией, такой подход может стать образцом для подражания. Однако следует иметь в виду, что формула “меньше развития — меньше демократии”, временно решая проблемы авторитарного режима, лишь перекладывает издержки демократизации и экономического роста на плечи следующих поколений. В случае позднего СССР отказ от экономических (а тем более политических) преобразований привел к тому, что проблемы страны со временем резко усугубились и последующие попытки реформ периода перестройки зашли в тупик: страну оказалось легче уничтожить, нежели улучшить. Нельзя исключить, что по тому же пути может пойти и Россия.

Примечания

- 1 Статья подготовлена в рамках Center of Excellence “Choices of Russian Modernization” при поддержке Академии наук Финляндии (грант № 284664).
- 2 См.: COLTON T. *Paradoxes of Putinism* // *Daedalus*, 2017, vol. 146, № 2, P.8–18. URL: http://www.mitpressjournals.org/doi/abs/10.1162/DAED_a_00430 (доступ 12.09.2017). Русский перевод см. в нынешнем номере *Контрапункта*: Колтон Т. *Парадоксы путинизма* // *Контрапункт*. 2017. №9. URL: http://www.counter-point.org/9_colton/ (доступ 06.11.2017).
- 3 Классическая работа: LIPSET S.M. *Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy* // *American Political Science Review*, 1959, vol.53, № 1. P.69–105. современные дискуссии см., в частности: PRZEWORSKI A., ALVAREZ M.E., SNEIBUB J.A., LIMONGI F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000; АСЕМОГЛУ D., НАИДУ S., РЕСТРЕПО P., РОБИНСОН J.A. *Democracy Does Cause Growth* // NBER Working Paper. 2014. March. №20004. URL: <http://www.nber.org/papers/w20004> (доступ 05.09.2017).
- 4 См.: TREISMAN D. *Income, Democracy, and Leader Turnover* // *American Journal of Political Science*. 2015. Vol.59, № 4. P.927–942.
- 5 См.: PRZEWORSKI A. ET AL. *Op.cit.*
- 6 См.: АСЕМОГЛУ D., РОБИНСОН J.A. *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- 7 См.: ROSS M. *Does Oil Hinder Democracy?* // *World Politics*, 2001. Vol.53, № 2, P.325–361.
- 8 См.: LEVITSKY S., WAY L. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- 9 См.: INGLEHART R., WELZEL C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- 10 Подробнее см.: GEL'MAN V. *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.
- 11 Подробнее см.: Greene S. *Society, Politics, and the Search of Community in Russia* // LIPMAN M., PETROV N. (Eds.) *Russia in 2020: Scenarios for the Future*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2011. P.459–476; ROBERTSON G.B. *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- 12 См.: ГЕЛЬМАН В. *Политика страха: как российский режим противостоит своим противникам* // *Контрапункт*. 2015. № 1. URL: <http://www.counter-point.org/64-2/> (доступ 12.09.2017).
- 13 Подробнее см.: WAY L. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015.
- 14 Подробнее см. ГЕЛЬМАН В., ТРАВИН Д. “Загогулины” российской модернизации: смена поколений и траектории реформ // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4. С.14–38.
- 15 См., в частности: ASLUND A., DJANKOV S. (Eds.) *The Great Rebirth: Lessons from the Victory of Capitalism over Communism*. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2014.
- 16 Подробнее см.: KOSSEL K., BUNCE V. *Putin, Popular Protests, and Political Trajectories of Russia* // *Post-Soviet Affairs*. 2012. Vol.28, № 4. P.403–423; *Problems of Post-Communism*. 2013. Vol. 60, № 2 (Special issue).
- 17 См.: BUENO DE MESQUITA B., SMITH A. *Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics*. New York: Public Affairs, 2011.
- 18 См.: ГАЙДАР Е. *Гибель империи: уроки для современной России*. М.: РОССПЭН, 2006.